

—◆ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ШЕДЕВРЫ ◆—

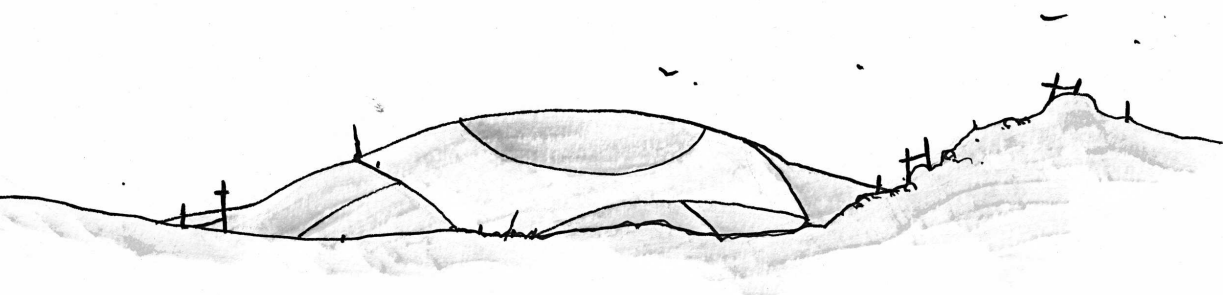

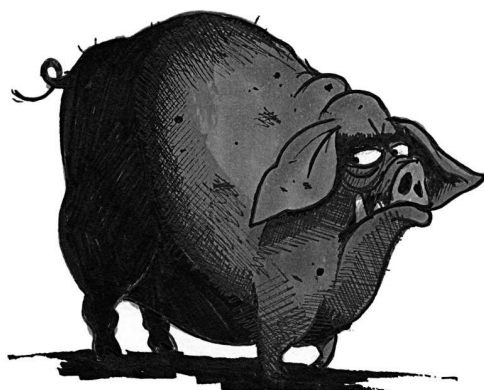
ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

Скотный Двор

ИЛЛЮСТРАЦИИ
КРИСА МОУЛДА

Издательство АСТ
МОСКВА

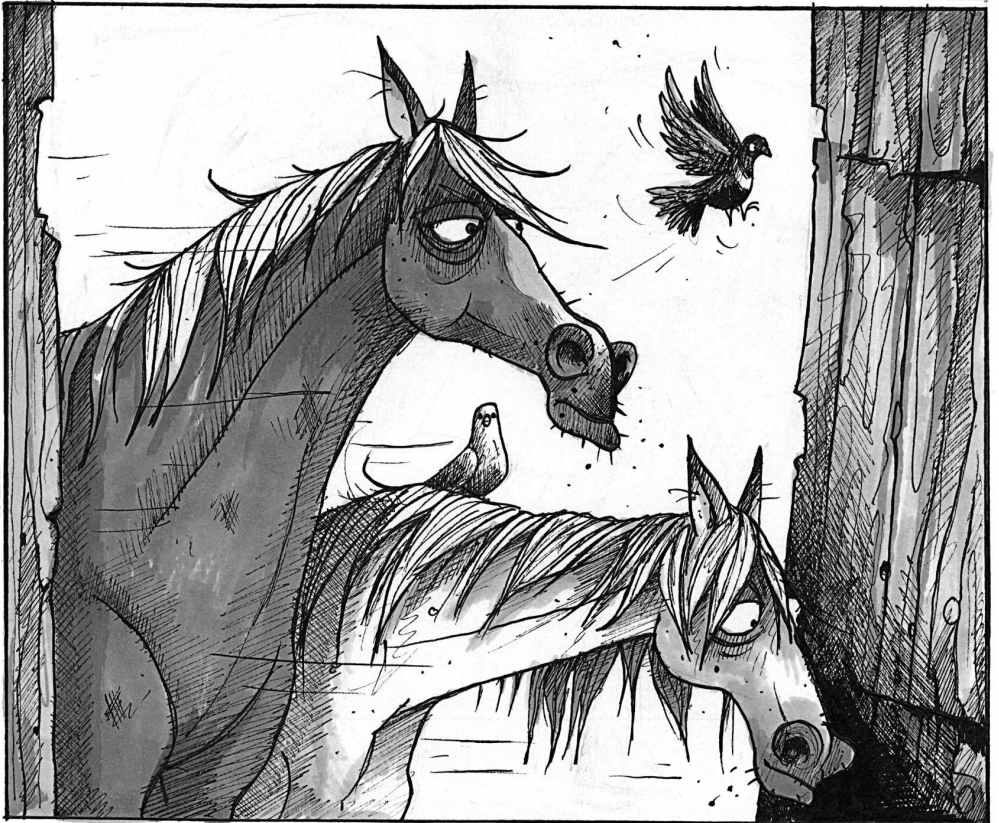
ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мистер Джонс, владелец фермы «Райский уголок», несмотря на сильное подпитие, перед сном по-хозяйски запер курятник, оставив при этом открытыми слуховые окна. Вооруженный пляшущим в руке фонариком, он пересек двор на ватных ногах, скинул сапоги на заднем крыльце, заглянул в буфетную, чтобы в последний раз отметить у бочонка с пивом, и взял курс на спальню, ориентируясь на храп миссис Джонс.

Едва успел погаснуть в спальне свет, как во всех хозяйственных постройках разом все зашевелилось, захлопало крыльями. Еще днем распространился слух, что старый Майор, упитанный белый кабан-медалист, видел прошлой ночью странный сон и хотел бы рассказать о нем всем животным.

Было решено собраться в большом сарае, как только мистер Джонс пойдет спать.

Старый Майор (это имя закрепилось за ним давно, хотя на выставках он был больше известен как Красавчик) пользовался на ферме особым почетом, и ради того, чтобы лишний раз его послушать, не жаль было пожертвовать часом сна.

В дальнем конце сарая возвышался дощатый помост; там, на соломенной подстилке, под фонарем, подвешенным за балку, возлежал Майор. В свои двенадцать лет, при том что его несколько разнесло, он был по-прежнему хорош, воплощение мудрости и кротости, невзирая на торчащие клыки. Один за другим входили животные и устраивались поудобнее, каждое на свой манер.

Первыми появились собаки, Бесси, Джесси и Пинчер, за ними свиньи, которые сразу облюбовали мягкую солому перед самым помостом. Куры расселись на подоконниках, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы улеглись позади свиней и принялись за жвачку. Работяга и Хрумка, две ломовые лошади, войдя в сарай, соразмеряли каждый шаг, чтобы, не дай бог, не раздавить какую-нибудь кроху своими мощными мохнатыми копытами. Хрумка, выносливая кобыла в расцвете лет, ожеребившись в четвертый раз, утратила прежнюю стройность форм. Работяга, здоровенный, под два метра битюг, стоил двух жеребцов. Белая полоса на морде придавала ей этакое простецкое выражение, да в общем-то он звезд с неба и не хватал, зато снискал всеобщее уважение за твердый характер и исключительную работоспособность. За лошадьми пожаловали Мюриэл, белоснежная козочка, и Бенджамин, осел. Среди всех животных на ферме Бенджамин был самый старший и самый злонаправленный. Говорил он крайне редко, и если уж открывал рот, то непременно следовал циничный выпад — к примеру: «Бог наградил меня хвостом, чтобы я мог отгонять мух, а по мне, так лучше ни мух, ни хвоста». Он единственный никогда не смеялся. На вопрос «почему?» он отвечал, что не видит вокруг себя ничего смешного. Он был по-своему предан Работяге, хотя нипочем не признал бы этого вслух. Воскресенья они обычно проводили вместе на выгуле, за фруктовым садом, где они могли, бок о бок пощипывая травку, не обмолвиться за весь день ни единым словечком.

Не успели лошади как следует улечься, как появился целый выводок утят.

Они отбились от мамы и теперь слабо попискивали и тыкались туда-сюда в поисках безопасного местечка. Хрумка огородила для них пяточок своей мощной передней ногой, и утята, угнездившись, мгновенно заснули. Как всегда, под занавес в сарай вошла блондинка Молли, глуповатая хорошенькая кобылка, которую мистер Джонс запрягал в двуколку. Похрустывая сахарком, она грациозно, мелкими шажками прошла вперед и начала у всех на виду поигрывать белой гривой, чтобы каждый мог по достоинству оценить вpletенные в нее красные ленты. В последний момент на пороге показалась кошка. По обыкновению, она осмотрелась и решила, что самое теплое местечко — между Работягой и Хрумкой; там она и расположилась, и, пока Майор держал речь, она себе мурлыкала в полном упоении, ничего не видя и не слыша.

Итак, все были в сборе, если не считать ручного ворона Моисея, спавшего на своем шестке за сараем. Убедившись, что все удобно устроились и готовы ему внимать, Майор прочистил горло и начал так:

— Товарищи! Как вы слышали, прошлой ночью мне приснился странный сон.

Но прежде чем рассказать о нем, позвольте всего несколько слов. Я знаю, дни мои сочтены, и я не имею права уйти, не передав вам, товарищи, свой опыт. Я прожил долгую жизнь, много размышлял, лежа в своем закуте, и, думаю, пришел к пониманию природы вещей, насколько это дано нам, животным. Вот об этом-то я и хочу поговорить сегодня.

Какова же, товарищи, природа вещей? А такова, что наш век короток, тяжел и беспросветен. Едва появившись на свет, мы работаем до седьмого пота, а живем впроголодь, в чем только душа держится, и, когда мы становимся ни на что не пригодными, нас предают варварской мучительной смерти. Нет в Англии животного, которое, выйдя из младенчества, знало бы, что такое счастье и заслуженный отдых. Нет в Англии животного, которое было бы свободным. Мы живем в рабстве и нищете — вот голая правда.

Но, может быть, это в природе вещей? Может быть, земля наша так скудна, что не способна прокормить всех своих обитателей? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Земля Англии плодородна, климат благоприятный, а пищи хватит нашим внукам и правнукам. Взять даже эту ферму: здесь могли бы жить припеваючи дюжина лошадей, два десятка коров, сотни овец. Невероятно, но факт. Так почему же, спрашивается, мы влачим столь жалкое существование? А потому, что продукт нашего труда присваивается человеком! Вот где, извиняюсь, собака зарыта. Вот он, корень зла — человек. Другого врага у нас нет. Уберите с подмостков Истории человека, и вы навсегда покончите с голодом и рабским трудом.

Только человек потребляет, ничего не производя. Он не несет яйца, не дает молока, ему не по силам тащить плуг или загнать зайца. И при этом он царь и бог. Он закабалил нас, мы гнем на него спину, перебываясь с хлеба на воду, а он живет плодами нашего труда. Мы надрываем мускулы при обработке его земли, мы производим ценнейший навоз для его полей, и что же? Кожа да кости — это все, что мы имеем. Вот вы, коровы, сколько тысяч литров молока дали вы за прошлый год? И куда оно пошло, минуя голодных сосунков? Все, до последней капли, вылакали наши эксплуататоры. А вы, куры, сколько вы снесли яиц и много ли вылупилось из них цыплят? Львиная доля пошла на рынок, чтобы еще больше обогатились Джонс и его люди. А где, Хрумка, четверо твоих жеребят, которые могли стать опорой и усладой твоей старости? Их продали с торгов годовальными, и уже не видать тебе их как своих ушей. Выносить и в муках родить потомство, полить потом каждую пядь земли — а что взамен, кроме стойла и жалкой подачки?

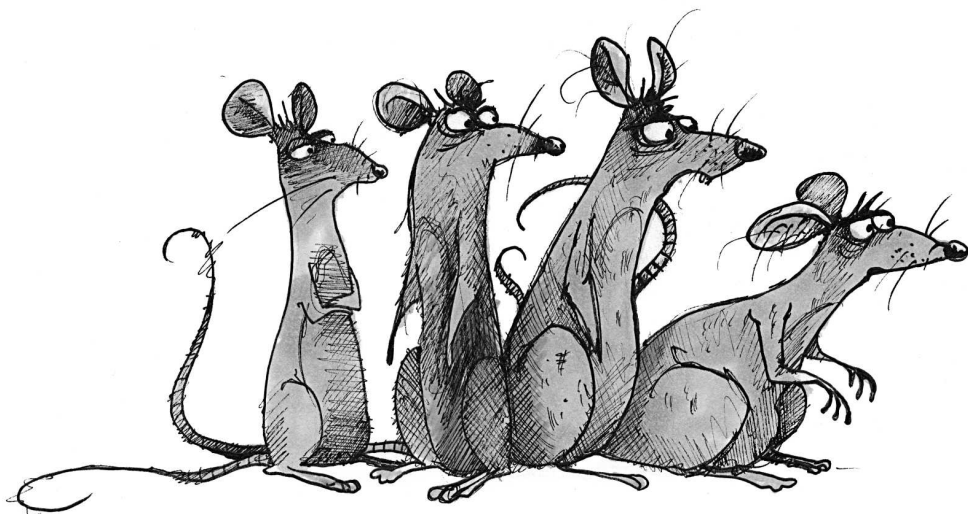
Но даже эта безрадостная жизнь редко достигает своего естественного конца. О себе я не говорю, мне крупно повезло: двенадцать годков, худо-бедно, прожил и детишками бог не обидел, за четвертую сотню перевалило. Но все так или иначе идут под нож. Вот передо мной сидят подсвинки, их за год откормят,

а потом, отчаянно визжащих, прикончат на колоде одним ударом. Этот ужас грозит всем нам — коровам, свиньям, курам, овцам — всем. Возьмите нашего Работягу. Стоит ему подорвать свое лошадиное здоровье, как в тот же день Джонс продаст его на живодерню, где с него снимут шкуру, а мясо отдадут на псарню. Даже последнюю собаку ждет безвременный конец. Когда у нее обвиснет хвост и зубов поубавится, Джонс привяжет ей на шею камень и утопит в ближайшем пруду.

Короче, товарищи, ясно как божий день: не будет нам житья, пока существует тирания человека. Свергнем тиранию — и все принадлежит нам. Одно мощное усилие — и вот они, свобода и сытая жизнь. Сам собой напрашивается вопрос: что делать? Я вам скажу. Трудиться день и ночь, не щадя себя, во имя освобождения от человеческого гнета. Вот мой вам завет, товарищи: восстание!

Когда произойдет это восстание, через неделю или через сто лет, я не знаю, но так же ясно, как вы видите меня на соломенной подстилке, с такой же ясностью я вижу — рано или поздно справедливость восторжествует. Так посвятите этой цели остаток своей короткой жизни! А главное, передайте мой завет потомкам, и пусть грядущие поколения продолжают нашу борьбу до окончательной победы!

И помните, товарищи: ничто не должно поколебать вашей решимости. Пусть никакие красивые слова не собьют вас

с пути. Не верьте человеку, когда он будет говорить, что у него и у животных общие интересы и что чем богаче его стол, тем больше вам с него перепадает. Все ложь. Человек всегда блюдет свой интерес. Ну а мы, животные, должны сомкнуть наши ряды, должны крепить наше единство. Все люди — враги. Все животные — братья...

Его слова заглушил внезапный шум. Пока Майор держал свою речь, из щелей сарая вылезли огромные крысы и присоединились к слушателям. Тут их засекли собаки, и несдобровать бы крысам, не юркни они обратно в щель. Майор поднял копытце, прося тишины.

— Товарищи, — сказал он, — нам надо определиться. Крысы и дикие кролики — кто они, друзья или враги? Ставлю вопрос на голосование. Итак: считает ли собрание, что нам с крысами по пути?

Подавляющим большинством голосов вопрос был решен положительно. Против оказались четверо, три собаки и кошка, которая, как позже выяснилось, проголосовала за оба предложения. А Майор продолжал:

— Мне осталось сказать немного. Еще раз повторю: будьте непримиримы в своей ненависти ко всему, что связано с именем человека. Всякое двуногое — враг. Всякое четвероногое или крылатое — друг. Но важно, чтобы в борьбе с человеком мы не уподобились ему. И позже, когда он уже будет низложен, нельзя, чтобы мы погрязли в людских пороках. Ни одно животное не должно жить в доме, спать в постели, носить одежду, не должно употреблять алкоголь и курить табак, заниматься торговлей и вести денежные расчеты. Что бы человек ни делал, все дурно. А самое главное — животные не должны угнетать себе подобных. Среди нас есть слабые и сильные, умные и не очень, но все мы братья. Ни одно животное никогда да не убьет другое. Все животные равны.

А теперь, товарищи, мой сон. Рассказать его трудно. Я увидел, какой будет земля без человека. И вдруг вспомнил совсем забытое. Давным-давно, в пору моего порослячьего детства, моя